

В. В. Деменова, Г. М. Поляков

Градостроительное развитие Самарканда во второй половине XX века. Анализ региональной архитектурной практики в советском Узбекистане

Статья посвящена градостроительному развитию Самарканда во второй половине XX в. в контексте архитектурной практики в советском Узбекистане. Анализируются ключевые подходы к изучению архитектуры позднесоветского Узбекистана и их актуальность для регионального градостроительства республики. Уточняется тезис об «ориентальности» архитектурных решений проектировщиков. Особое внимание уделяется изменению облика исторических городов Узбекской ССР под влиянием современной архитектуры и в результате решений местных политических деятелей.

Ключевые слова: архитектура советского Узбекистана; архитектура позднего СССР; архитектура Самарканда XX в.; архитектурная практика в СССР

Деменова Виктория Владимировна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Доцент кафедры истории искусств и музееведения.

Кандидат искусствоведения, доцент.

Россия, 620062, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

E-mail: vikina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2348-8817; SPIN-код: 8679-6459

Поляков Григорий Максимович

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Аспирант кафедры истории искусств и музееведения.

Россия, 620062, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

E-mail: g.m.polyakov@urfu.ru

ORCID: 0009-0001-2397-273X; SPIN-код: 9786-3493

Victoria Demenova, Grigory Polyakov

Samarkand's Urban Development in the Second Half of the 20th Century. Analysis of Regional Architectural Practice in Soviet Uzbekistan

This article examines Samarkand's urban development during the second half of the 20th century within the context of Soviet Uzbekistan's architectural practices. It analyzes key approaches to studying late Soviet Uzbekistan architecture and their relevance to the republic's regional urban planning, and clarifies the thesis of "Orientalist influences" on architectural design. Particular attention is given to the transfor-

mation of historical Uzbek SSR cities under the influence of “modern architecture” and local political figures.

Keywords: architecture of Soviet Uzbekistan; architecture of the late USSR; architecture of Samarkand of the 20th century; architectural practice of the USSR.

Demenova Victoria

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Associate Professor of the Department of Art History and Museology.

PhD in Art History, Associate Professor.

Russia, 620062, Ekaterinburg, ul. Mira, 19.

E-mail: vikina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2348-8817; SPIN-code: 8679-6459

Polyakov Grigory

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Post-graduate student of the Department of Art History and Museology.

Russia, 620062, Ekaterinburg, ul. Mira, 19.

E-mail: g.m.poliakov@urfu.ru

ORCID ID: 0009-0001-2397-273X; SPIN-code: 9786-3493

Архитектура советской Центральной Азии второй половины XX в. в последнее десятилетие стала значимой частью отечественных и зарубежных историко-искусствоведческих исследований. Констатируя наличие в республиканских столицах модернистских сооружений и осмысляя их место в городском пространстве, исследовательское сообщество выстраивает сегодня концептуальные подходы к изучению позднесоветского архитектурного наследия. В основном они базируются на изучении архитектуры Узбекской ССР, рассмотрению которой посвящено представленное исследование.

Подходы к рассмотрению архитектурно-художественной и градостроительной практики в советском Узбекистане с достаточной долей условности можно разделить на две равнозначные группы исходя из исследовательского ракурса. К первой можно отнести преимущественно работы западных авторов, которые рассматривают архитектуру советского Узбекистана через призму ее интеграции в социалистический проект Советского государства, где она служила иллюстрацией идеи строительства «маяка социализма на Востоке» [10, с. 28]. Для этой группы подходов характерно изучение массового строительства и форм его художественного осмысления в Ташкенте (Ф. Мойзер), концепции советского урбанизма и ее последующих преобразований в постсоветское время на примере архитектурных сооружений республики (Дж. С. Вульф), включение

архитектурно-художественной практики советского Узбекистана в постколониальный дискурс и формирование концепции «советского ориентализма» (Б. Чухович).

Ключевым исследовательским ракурсом, характерным для второй группы, является изучение архитектуры Узбекистана второй половины XX в. через анализ зданий и архитектурных сооружений с целью последующего выявления своебразия их архитектурно-художественных решений (Т. Т. Купайсинов, А. А. Сырбу и др.). В основе данного ракурса лежат подходы, разработанные в советский период и изначально ориентированные на демонстрацию достижений советского градостроительства в центральноазиатских республиках (Т. Ф. Кадырова, К. В. Бабиевский, Ф. Ю. Турсунов).

Научное осмысление архитектуры данного времени в современном Узбекистане пока не имеет системного характера вследствие стремления на государственном уровне подчеркнуть связь независимой республики с эпохой Средневековья (в частности, с империей Тимуридов), что привело к длительному игнорированию самобытных черт советской архитектуры и ее фактическому уничтожению.

Значимым исследованием архитектуры советской Центральной Азии, соединившим в себе два обозначенных ракурса, является недавно опубликованная монография-путеводитель «Ташкент: архитектура советского модернизма. 1955–1991» Б. Чуховича и О. Казаковой [10]. Данная работа наиболее комплексно описывает архитектурно-художественные и градостроительные процессы в советском Ташкенте, раскрывая через анализ архитектурных сооружений советского периода специфику эпохи модернизма в Ташкенте как знакового социально-политического, а именно социалистического, проекта. Авторам важно подчеркнуть особый статус столицы советского Узбекистана – «звезды Востока». Они акцентируют внимание читателей на дихотомии советской архитектуры – «западной» и «восточной», связывая с последней архитектурно-художественную практику Ташкента.

С одной стороны, авторы декларируют локальность рассматриваемых процессов, ограничивая свой исследовательский интерес

Ташкентом, с другой – подчеркивают схожесть сложившейся в нем архитектурно-художественной практики с опытом проектирования зданий и архитектурных сооружений в столицах соседних советских центральноазиатских республик – Ашхабаде, Алма-Ате, Душанбе [10, с. 24]. Двойственность данного подхода подталкивает к попыткам найти черты ташкентского модернизма в градостроительной практике других городов Узбекистана.

Ключевой задачей данной статьи является анализ архитектурной практики Самарканда – города, наиболее выразительно представляющего региональную архитектуру советского Узбекистана, но ранее недостаточно изученного в контексте республиканской архитектуры второй половины XX в. Настоящее исследование базируется на комплексном подходе, включающем изучение материалов из Российского государственного архива экономики и Российского государственного архива научно-технической документации (ведомственной переписки, распорядительных документов, протоколов заседаний государственных комиссий, эскизных и технических проектов), анализ статей из журнала „Строительство и архитектура Узбекистана“ (1960–1990 гг.), сопоставление исследовательских концепций современных авторов, посвященных градостроительству в Узбекской ССР, с архитектурной практикой в Самарканде.

Одним из важных аспектов работы Б. Чуховича и О. Казаковой [10], посвященной модернизму в Ташкенте, является стремление актуализировать дискуссию об ориенталистском начале национальной архитектуры Узбекистана, которая, как утверждается, «вышла из московских проектных организаций» [10, с. 30]. Более настойчиво этот тезис акцентируется в предыдущих исследованиях Б. Чуховича, где автор определяет «национальное» как искусственно созданный ориенталистский конструкт, использовавшийся для маскировки реальных проблем архитектуры и градостроительства, в частности, стремления узбекских проектировщиков интегрировать местную практику в мировой архитектурный контекст [11].

Перемещая исследовательский взгляд с архитектурно-художественной практики Ташкента на Самарканд, тезис об «ориентальности» архитектуры Узбекистана можно подвергнуть сомнению. Так,

в первую очередь необходимо отметить сохранение в Самарканде (как и в других исторических городах) достаточно сильной архитектурной традиции, постепенно угасавшей, но зримо присутствовавшей на момент установления советской власти. Неоспоримым периодом ее расцвета являлась эпоха Тимуридов (XIV–XVI вв.), для демонстрации архитектурного величия которой достаточно упомянуть лишь малую часть памятников того времени – ансамбль площади Регистан (XV–XVII вв.), мечеть Биби-Ханым (XV в.), Гур-Эмир (XV в.) и др., активное восстановление которых велось в XX в. Отголоски тимуридского зодчества наполняли архитектуру Самарканда до конца XIX в. В качестве примера можно привести медресе Дусматбая (XIX в.), масштаб архитектурного решения которого не может сравниться с памятниками тимуридской эпохи, но идейная связь с ней просматривается в конструктивных и композиционных элементах данного сооружения (монолитность форм, замкнутость композиции, визуальный акцент на портал-пештак, башни-минареты, использование резных элементов, в частности решеток-панджар и т. д.). Это свидетельствует о сохранении у местных мастеров устойчивых традиций исламского зодчества, ориентированных на тимуридские образцы, несмотря на исторические перипетии, в результате которых Самарканд начиная с середины XVIII в. теряет былое величие.

Важной частью наследия исторических городов Узбекистана является и архитектура жилых городских кварталов – махаллей. Их плотная ковровая застройка из глинобитных строений создает впечатление плавно перетекающих друг в друга ячеистых структур, значимой композиционной составляющей которых являются крытые террасы – айваны, поставленные на деревянные колонны с резными капителями, наполненные обилием ярких орнаментальных композиций и резьбы по ганчу.

Таким образом, для архитектуры Самарканда, как, впрочем, и других исторических городов Узбекистана – Бухары, Хивы и др., связь с архитектурным наследием имела особое значение и отчасти непрерывный характер. Сооружения второй половины XX в. не могли быть удачно интегрированы в городскую среду истори-

ческих городов без учета их архитектурных особенностей и требовали от архитекторов реминисцентного отношения к наследию при проектировании. В качестве подтверждения данного тезиса можно привести создание в 1960–1970-х гг. близ Регистана квартала пятиэтажных жилых домов в духе «борьбы с излишествами» Н. С. Хрущева. По мнению современников, подобное «бездумное, пренебрежительное отношение к великим ценностям» разрушало впечатление грандиозности средневековых построек Самарканда¹ [2, л. 86–90], что, однако, не помешало завершению строительства пятиэтажек.

Для архитектурно-художественной практики Самарканда подход к конструированию «национальной» архитектуры становится актуальным с середины 1970-х гг. Особое значение в процессе зарождения данной тенденции имело создание в 1966 г. Самаркандского государственного архитектурно-строительного института (СамГАСИ) – первого профильного учебного заведения архитектурной направленности в советском Узбекистане, в становлении которого принимали участие архитекторы-преподаватели из Ташкента, Москвы, Ленинграда, Новосибирска и других городов Советского Союза. Уже к середине 1970-х гг. преподавательский состав института стал пополняться выпускниками СамГАСИ. Среди них можно выделить В. Е. Кима, который в 1982 г. во время обучения в аспирантуре МАрХИ опубликовал одну из первых критических статей о проблематике национального в архитектуре Узбекистана [6]. Автор отмечал, что при создании среднеазиатской архитектуры необходимо искать новые подходы к формообразованию, чтобы дистанцироваться от стереотипных образцов модернизма, распространенных в южных странах.

Именно Самарканд в 1970–1990-х гг. стал площадкой для обозначенных архитектурно-художественных экспериментов с «национальным». Большую роль в данном процессе играл журнал «Строительство и архитектура Узбекистана», предоставлявший самаркандским архитекторам пространство для презентации их архитектурно-художественных поисков. Среди множества проектов, подготовленных в СамГАСИ, можно отметить Центр народного

творчества в Самарканде (дипломник А. Диков, руководитель кандидат архитектуры, и. о. доцента М. Ахмедов. СамГАСИ, 1983 г.). В его архитектурных решениях прослеживается стремление передать дух застройки средневекового Самарканда, создавая группы повтояющихся, словно паттерн, перетекающих друг в друга небольших объемов, нарушающих своим слегка непредсказуемым расположением структурность модернистской архитектуры. Автор проекта также уделял внимание воспроизведению элементов исторической архитектуры Самарканда, например, созданию айванов (ил. 1–3).

К началу 1990-х гг. стремление узбекских проектировщиков сконструировать «национальную» архитектуру достигает своего пика. Безусловно, развитию данной тенденции способствует усиление национального самосознания в республике и ослабление антирелигиозной пропаганды. Разрабатываемые в СамГАСИ проекты этого периода практически цитируют историческую архитектуру, в том числе усиливая ее связь с исламской традицией.

Проблематика «ориентальности» архитектуры советского Узбекистана не может рассматриваться как актуальный ракурс для анализа архитектурно-художественной практики республики за пределами Ташкента, поскольку попытка выявить элементы исторического зодчества в «современной архитектуре» не могла являться исключительно «внешним» конструктом для исторических городов Узбекистана. Именно поэтому в рамках разрабатываемого подхода предлагаем на данном этапе продолжить использовать определение «национальное», предложенное в советской исследовательской практике для анализа и описания архитектурных сооружений второй половины XX в. в регионах Узбекистана.

Другим тезисом, связанным с развитием архитектурной практики советского Узбекистана и требующим уточнения, является стремление представить перестройку городов Узбекистана во второй половине XX в. в духе «современной архитектуры» как системный и согласованный на республиканском уровне процесс, осуществляемый при поддержке Москвы. Такой во многом была градостроительная политика Ташкента – «витрины социалистического Востока» [10,

с. 29], в котором особый размах приобрела перестройка центра города после землетрясения 1966 г. Ее характерными чертами являлись избавление от исторической застройки, создание нехарактерных для городов Центральной Азии просторных площадей, эспланад, монолитных архитектурных объемов административных зданий и т. д. Однако в Самарканде процесс преобразования городской среды нередко вызывал разногласия, так как новые архитектурные проекты входили в острое противоречие с исторической застройкой, вызывая разную реакцию на республиканском и столичном уровнях.

В качестве примера можно привести проект здания Самаркандского областного Дома Советов, подготовленный авторским коллективом Узгоспроект (арх. А. А. Балаев, Г. Е. Годлин, В. Махмудов, А. А. Коржев). Сам замысел возвести государственные учреждения на руинах площади Куксарай² являлся весьма красноречивым: он был призван свидетельствовать о превосходстве советской идеи над «темным прошлым». Усиливало данное впечатление визуальное противопоставление административного комплекса Регистану. С точки зрения архитектурного решения Дом Советов представляет собой два геометрических объема, доминантой которых является высотная 14-этажная пластина, усредненная по своему архитектурно-художественному исполнению. Для придания комплексу «национального» звучания архитекторы спроектировали излишне частотную резную солнцезащиту, напоминающую решетки-панджары. Данный архитектурный комплекс по своему расположению был призван продолжить реализацию градостроительного плана по переустройству центральной части Самарканда, начатую со строительства Самаркандского театра оперы и балета (1964). Проект театра был также подготовлен А. А. Балаевым и коллективом Узгоспроекта³ (ил. 4).

Презентация проекта для архитектурной общественности в Узбекистане прошла в сентябрьском номере за 1967 г. журнала «Строительство и архитектура Узбекистана» [7]. В нем архитектурно-художественные решения Дома Советов не подвергались сомнению со стороны сообщества узбекских проектировщиков и не вызывали полемики с авторами. Важно отметить, что пред-

ложенный проект рассматривался в качестве знакового при подготовке Самарканда к празднованию 2500-летия города и 50-летия советской власти. Вместе с тем, получив поддержку на республиканском уровне, проект здания Дома Советов критиковался высшим руководством строительного комплекса СССР (Госстрой СССР), требовавшим приостановить строительство и пересмотреть архитектурное решение здания. Ключевым аргументом для негативной оценки данного проекта являлось отсутствие «учета масштабов исторических архитектурных комплексов и нарушение объемно-пространственного восприятия памятников и окружающей среды» [2, л. 37–43]. Данный комментарий был включен в протокол заседания Государственного комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР, посвященного рассмотрению технико-экономического обоснования развития (ТЭО) Самарканда от 1967 г., подготовленного коллективом Узгоспроекта. Далее в течение нескольких лет проект подвергался критике практически в каждом документе, посвященном обсуждению градостроительной политики Самарканда [2, л. 44–59, 72, 95–97].

Однако, так и не остановив строительство здания Дома Советов, Госстрой СССР без призыва к пересмотру его архитектурно-художественных решений включает данный административный комплекс в программу закрытого конкурса на разработку проекта планировки и застройки центра г. Самарканда (1969 г.) [2, л. 144–152], согласившись таким образом с его возведением.

Значение данной программы подчеркивается и тем, что задание к ней содержало особое требование «сохранения силуэта исторической зоны города» [2, л. 144–152], что вызвало стремление проектировщиков обособить историческую часть Самарканда от остальной городской структуры, фактически отделив от нее комплекс сооружений от Регистана до мечети Биби-Ханым, что, в свою очередь, сказалось на современном градостроительном плане Самарканда (ил. 5).

Важно отметить, что многие предложения, полученные от проектировщиков в рамках данного конкурса, реализованы не были,

поскольку с этого времени в целом замедляются темпы и сокращаются масштабы строительства значимых архитектурных сооружений, а «полемика» между современной архитектурой и исторической застройкой окончательно переходит в раздел макетного проектирования. Таким образом, активная фаза данного интеллектуального противостояния завершается к 1970 г., с одной стороны, сохранив нетронутой значимую часть исторической среды Самарканда, с другой – оставив город без согласованного генерального плана, вследствие чего принимаемые местными властями решения носили хаотичный и неоднозначный характер [4, л. 108–112]. Например, к ним можно отнести градостроительный сюжет, связанный с противостоянием жителей Багишамальского района Самарканда и исполкома горсовета, предлагавшего необоснованный, по мнению жителей, снос городских домов и строительство на их месте административное здание Коммунистической партии УзССР. Адресатом заявления были назначены председатель Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин [3, л. 56–58]. В результате проект самаркандских властей был заморожен. Также необходимо отметить, что градостроительная практика регионов Узбекистана во многом была ориентирована на решения местных властей: они могли затягивать оформление необходимых документов, задерживать оформление выплат проектным организациям или вовсе отказываться решать поставленные Ташкентом и Москвой градостроительные задачи. Примером может служить затягивание переноса за пределы центральной части города промзоны литейного цеха завода «Красный двигатель»⁴, выбросы от производственной деятельности которого негативно влияли на памятники архитектуры Самарканда [4, л. 108–112].

Подводя итоги данного исследования, важно подчеркнуть несистемный характер развития архитектуры Узбекистана, что делает актуальным ее изучение как самостоятельного феномена. В первую очередь важно отметить, что интеграция элементов исторического зодчества в современную архитектуру не может рассматриваться в контексте регионального градостроительства

как навязанный, ориенталистский дискурс. Через архитектурные элементы исторического зодчества формировался образ Самарканда, который в середине XX в. был актуализирован в архитектурно-художественной практике Узбекской ССР благодаря активному восстановлению памятников Тимуридской эпохи. Формированию новых подходов к формообразованию, основанных на синтезе модернистской архитектуры и традиционного исламского зодчества, способствовали преподаватели-архитекторы СамГАСИ. Однако реализация данных проектов была затруднена в силу ряда экономических причин. Именно поэтому при отсутствии финансовой поддержки полемика о преобразовании таких исторических городов, как Самарканд, обрела исключительно макетный характер и переместилась на страницы журнала «Строительство и архитектура Узбекистана». В заключение необходимо также обозначить, что значительное влияние на развитие региональной архитектуры советского Узбекистана оказывали местные политические деятели, градостроительные решения которых демонстрируют отсутствие системности и подчиненности руководящим строительными организациями в Ташкенте и Москве. Их инициативы были достаточно спорными и зачастую встречали сопротивление со стороны архитектурного сообщества и местных жителей, однако во многом именно эти решения градостроителей определили сегодняшний образ городов республики. Для дальнейшего изучения региональной архитектурно-художественной практики Узбекистана второй половины XX в. представляется плодотворным сосредоточить внимание на других крупных административных центрах и исторических городах, таких как Бухара, Нукус, Ургенч, Хива и т. д.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С позиции сегодняшнего дня можно утверждать, что аскетичный, предельно усредненный архитектурный облик, наоборот, подчеркивает величие Регистана и доказывает сущностную необходимость поиска новых подходов к формообразованию с обязательным включением национального компонента.

² До присоединения Самарканда к Российской империи на площади Куксарай помимо крепостных сооружений (о которых шла речь в опубликованных материалах

о проекте на страницах журнала «Строительство и архитектура Узбекистана»), располагался одноименный дворец – резиденция бухарских ханов, уничтоженная российскими военными в 1880-х гг. Отмечается, что дворец использовался для коронации некоторых правителей из династии Тимуридов, что может свидетельствовать о его историческом и политическом значении для данного региона и символическом стремлении к его уничтожению российской администрацией.

³ Подобный сюжет градостроительной политики в Самарканде также можно отследить в проектом решении гостиницы «Самарканд» (арх. О. П. Айдинова, 1970 г., ТашЗНИИЭП), построенной близ мавзолея Гур-Эмир, а также в макетных работах студентов Ташкентского политехнического института, например, в проекте Музея истории искусств в Самарканде (дипломник М. Шполянский, руководитель Л. В. Лезовская, начало 1970-х гг.).

⁴ Особое негодование вызвало решение самаркандских властей о строительстве нового механического завода на территории, которая по утвержденным технико-экономическим основам развития Самарканда предназначалась для зоны отдыха горожан. Госстрой СССР настаивал на переносе всех промышленных объектов из центральной части Самарканда в пригородные зоны.

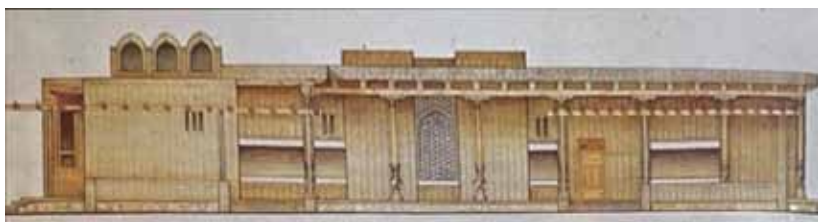
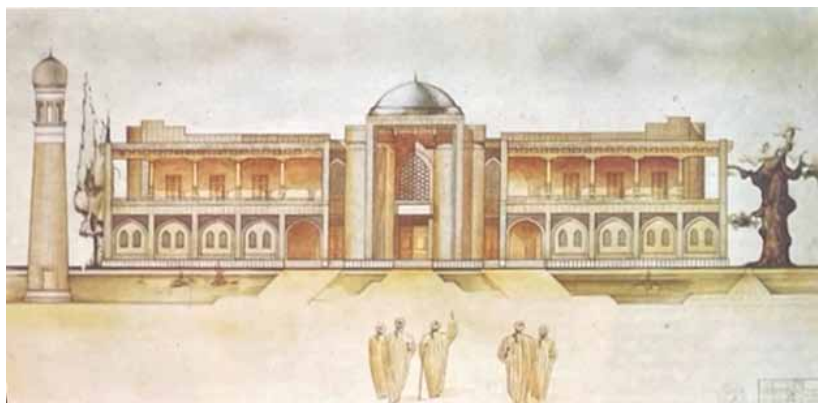
БИБЛИОГРАФИЯ

1. РГАНТД (Российский государственный архив научно-технической документации). Ф. Р-850 Оп. 4–8 Д. 120
2. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 5. Оп. 5. Ед. Хр. 165.
3. РГАЭ. Ф. 5. Оп. 5. Ед. Хр. 166.
4. РГАЭ. Ф. 5. Оп. 5. Ед. Хр. 194.
5. Архитектура Советского Узбекистана / [сост.] Т. Ф. Кадырова, К. В. Бабиевский, Ф. Ю. Турсунов. М.: Стройиздат, 1972. 132 с.
6. *Ким В. Е.* Национальное в архитектуре – реальность или миф? // Строительство и архитектура Узбекистана. 1982. № 3. С. 30–33.
7. Самаркандский областной Дом Советов // Строительство и архитектура Узбекистана. 1967. № 9. С. 17–24.
8. Строительство и архитектура Узбекистана. 1985. № 5.
9. Строительство и архитектура Узбекистана. 1991. № 8.
10. *Чухович Б., Казакова О.* Ташкент: архитектура советского модернизма 1955–1991 : справочник-путеводитель. М. : Garage, 2025. 512 с.
11. *Chukhovich B.* Orientalist modes of modernism in architecture: Colonial/Postcolonial/Soviet // *L'orientalisme des marges*. 2014. Vol. 2–3. P. 285–286. <https://doi.org/10.4000/edl.728>

Центр народного творчества в Самарканде. Макет. Дипломник А. Диков. Руководитель кандидат архитектуры, и. о. доцента М. Ахмедов. Диплом I степени, 1983.

1. Центр народного творчества в Самарканде. Дипломник А. Диков, руководитель кандидат архитектуры, и. о. доцента М. Ахмедов. СамГАСИ, 1983 г. [8]

2. Здание мечети для Кашкадарьинской области. Арх. А. А. Фарманов, Р. Т. Туйчинов, А. С. Уралов. 1990 г. [9]

3. Здание чайханы на 75 мест в Джамбае. Проект СКПБ СамГАСИ. Руководители-А. А. Фарманов, Р. Т. Туйчинов. 1990 г. [9]

4. Комплекс Самаркандского областного Дома Советов.
Арх. А. А. Балаев, Г. Е. Годлин, В. Махмудов, А. А. Коржев.
1970-е – 1980-е гг. Фото Г. М. Полякова

5. Проект генерального плана центра Самарканда. Начало 1970-х гг. [1]